

ГАЛИНА
Колескова

КАВКАЗ

Не чужая жена

Галина Колоскова

Кавказ. Не чужая жена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73270868

SelfPub; 2026

Аннотация

– Что будет? Мы поженимся! Ты обещал! Говорил, как только я закончу практику...

Он издаёт короткий, безрадостный звук, похожий на покашливание.

– Жениться? Светлана, ты наивный ребёнок.

Он снова поворачивается к окну. Широкие плечи напряжены. Комната, ещё минуту назад казавшаяся мне местом нашего счастья, вдруг становится камерой.

– Я не могу на тебе жениться, – говорит он в стекло, не глядя на меня.

Воздух выходит из моих лёгких. Я не могу дышать. Мир плывёт перед глазами. Дрожу всем телом.

– Не можешь?.. Почему? Что значит «не могу»?

Он медленно поворачивается. В его глазах я наконец вижу правду. Ту, что он так тщательно скрывал. И эта правда – смерть для моей любви, для моих надежд, для моего будущего.

Он несколько раз вздыхает и произносит:

– Потому что я женат, Светлана.

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	8
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Галина Колоскова

Кавказ. Не чужая жена

Пролог

Я стою на краю света. Мне всегда так кажется, когда поднимаюсь на этот холм. Высоко-высоко, туда, где воздух становится чистым и прозрачным, как горный ручей. Внизу, в долине, притаился наш аул, будто игрушечный, из белого камня и красной черепицы. Отсюда не слышно людских голосов, только ветер. Вечный горный ветер, шепчет мне в ухо на своём таинственном языке. Он треплет мои светло-русые волосы, за которые «Он» когда-то дал мне имя. Сырыф. Светленькая.

Я закрываю глаза, и ветер уносит меня назад. Не в больницу, где всё началось, и не к нему. Он несёт меня домой. Туда, где пахло тёплым домашним хлебом из печи и сушёными травами, которые мама развешивала пучками на белой стене. Я снова маленькая. Босиком, по нагретым за день каменным плитам двора бегу на голос матери.

– Света! Светик! Где ты?

– Я здесь, мамочка! – кричу я, забираясь на низкую ограду террасы.

Она выходит из дома, вытирая руки о фартук. В её глазах,

таких же зелёных, как мои, – бесконечная усталость и невероятно глубокая любовь. Мама родила меня поздно. Назло тем, кто думал, что пора ей готовиться нянчить внуков. Становиться бабушкой. Я стала неожиданным чудом, после троих, уже почти взрослых сыновей. Ворчливый ласковый голос звал домой так, как умела только она.

– Опять как коза по скалам скачешь? Слезай немедленно, пора ужинать.

Я спрыгиваю, грациозно, как кошка. Мне нравится ощущение полёта, лёгкости в теле. Делаю несколько незамысловатых па. Душа рвётся петь от окружающей меня красоты. Руки плавно обнимают воздух. Представляю себя на огромной сцене в красивой пачке балерины. Белым лебедем, что видела по телевизору.

– Мама, а можно я сегодня спою? После ужина? Для всех? Она вздыхает, гладит меня по голове.

– Опять за своё? Доченька, ну, когда ты утомонишься? Пение, танцы... Это не для наших женщин. Скоро замуж начнут звать, надо быть скромной.

– Фу-у-у... – фырчу недовольно при слове «муж». Папа обещал, что не станет отдавать меня против воли.

В доме пахнет бараниной с черносливом и корицей. Отец и братья уже сидят за низким столом. Серьёзные, породистые лица мужчин, смягчаются при моем появлении. Я – всеобщая слабость. Их маленькое солнце. Отец молча кладёт на мою тарелку самый лучший кусок. Забираю и ухожу на свою

половину. Чувствую его любовь, суровую и безграничную, как эти горы.

На небе зажигаются первые, самые яркие звёзды, я не выдерживаю. В гостиной, где на стенах висят старые ковры, беру мамин шёлковый платок, цвета спелого граната. Он пахнет её духами.

– Папа, смотри! – говорю я, и моё тело само начинает двигаться в такт музыке, что звучит в моей голове. Напеваю индийскую мелодию, что слышала по телевизору.

– Джимми-Джимми, ача-ача...

Платок в моих руках становится то крылом птицы, то волной, то покрывалом невесты. Я кружусь и пою. Братья перестают говорить, смотрят на меня. Сначала с удивлением, потом с восхищением. Отец хлопает в ладоши, улыбается редкой, солнечной улыбкой. Мама стоит в дверях, и на её лице – гордость и тревога.

Чувствую, как во мне зажигается огонёк счастья, свободы, полёта. Я – движение, звук, жизнь! Летаю по сцене под восхищёнными взглядами.

Вдруг музыка обрывается. Не в моей голове, а в комнате. Отец перестаёт хлопать. Его лицо становится строгим, каменным.

– Хватит, Света, – говорит он тихо, но так, что слова падают тяжёлыми камнями.

Я замираю. Платок выскользывает из пальцев и бесшумно сползает на ковёр.

– Но, папа... я...

– Я сказал, хватит. Нельзя. Это не для чужих глаз. Позор.

Тяжёлое слово «позор» висает в воздухе. Давит на душу. Сцена со зрителями в голове девочки-фантазёрки становится таящей дымкой. Огонёк внутри меня гаснет. Стыдливо опускаю голову, поднимаю платок и молча уношу его маме. Она предупреждала, а я не послушала. Мама всегда права...

Больше я не танцую перед семьёй.

Тогда я думала, что это и есть самый большой стыд и самая большая боль – запрет открывать то, что составляет твою душу. Не подозревала, что настоящий позор пахнет не упрёками отца. Он отдаёт сладковатым запахом больничного антисептика в кабинете мужчины, который клянётся тебе в любви. Что настоящая боль способна не просто погасить огонёк, а превратить в пепел сердце, разбитое на тысячи мелких осколков.

Он называл меня Сырыф. Светленькая. И сейчас, чувствуя на щеке ладонь ветра, я понимаю – он был прав. Я и есть свет.

Это моя история. История падения, горького пепла и возрождения, подобного весне в горах. Когда талый снег обнажает не грязь, а молодую, сочную траву, полную сил, чтобы тянуться к небу...

Глава 1.

Я лежу на жёсткой больничной койке и смотрю в окно. За стеклом – серый городской пейзаж. Дождь. Он стекает по стеклу мутными слезами. Где-то там, далеко, за пеленой дождя и многоэтажек, стоят мои горы. Я знаю, что они есть. Я чувствую их дыхание. Но сейчас смотрю не на них. Я вижу в отражении холодного стекла бледное худенькое лицо.

Я в палате одна. Тишину нарушает мерный стук капель по подоконнику и отдалённые шаги в коридоре. Мне скучно. Мне одиноко. В кармане лежит «смс» от мамы: «Держись, дочка. Всё наладится». Я хочу верить. Но внутри меня всё ноет от тоски и неопределённости.

Дверь открывается с тихим скрипом. В палату входит санитарка, а за ней – женщина с небольшой спортивной сумкой в руках. Санитарка кивает на свободную койку напротив.

– Вот ваше место, Марина Олеговна. Располагайтесь. Доктор скоро подойдёт.

Женщина благодарит её тихим голосом. Ставит сумку и медленно осматривает палату. Её взгляд скользит по стенам, по столу, по моей кровати. Он останавливается на мне. Я невольно улыбаюсь. Смущаюсь. Отвожу глаза.

– Здравствуйте, – голос приятный, немножко хрипловатый. – Будем соседями.

– Здравствуйте, – отвечаю я. – Меня Светлана зовут.

– А я Марина. Очень приятно.

Она подходит к своей кровати, садится на край. Движения плавные, усталые. Она смотрит на подоконник, где стоит маленький кактус, который я принесла из дома, чтобы скрасить больничный быт.

– Цветочек ваш? Милый.

– Спасает от тоски, – улыбаюсь я.

– А что с вами? Если не секрет, конечно.

– Аппендицит. Прооперировали неделю назад. Теперь вот лежу, восстанавливаюсь. А вы?

– Да так... операцию предлагают. Но нужно сначала провериться. А вы одна здесь? Родные не навещают?

Вопрос простой, но он задевает меня за живое. По телу разливается тёплое чувство благодарности за простое человеческое участие.

– Родные далеко. В ауле. А здесь я одна. Учусь в медицинском колледже.

– О! Медсестрой будете? – её лицо оживляется. – Хорошая профессия. Всегда востребованная.

– Надеюсь. А кем работаете вы?

– Я? – она задумывается на секунду. – Книги пишу. Вернее, пытаюсь писать. Истории собираю. Жизненные.

Мне сразу становится интересно. Книги! Для меня, выросшей в строгости, где главное – работа и дом, писательница кажется существом из другого мира.

– Правда? И о чём вы пишете?

– О людях. О женщинах. О нашей, женской доле. Она и горькая, и сладкая одновременно.

Мы разговариваем ещё немного. Про погоду. Про больницу. Про еду. Про то, как скучно лежать без дела. Постепенно тревожное чувство отступает. Тает под тёплым, внимательным взглядом этой женщины. Она рассказывает смешной случай из своей жизни, и я смеюсь. По-настоящему. Впервые за несколько дней.

Вечером, когда в палате включают тусклый ночник и за окном темнеет, я ощущаю прилив странной энергии. Тоска по дому, по горам, по простору вдруг выливается в одно желание. Я встаю с койки, подхожу к своей тумбочке и достаю оттуда лёгкий шёлковый платок. Он пахнет домом. Травой и солнцем.

– Что это? – спрашивает Марина. Она уже лежит под одеялом, читает книгу.

– Я... я иногда танцую. Только тихо. Чтобы никто не видел.

– Танцуйте, танцуйте! – она откладывает книгу, серые глаза загораются любопытством. – Мне интересно посмотреть. Но вы сможете? Вам не будет больно?

Больно? Да я готова терпеть любую боль, лишь бы увидеть восторг в глазах того, для кого я пою и танцую. Я смущаюсь. Во мне борются два чувства. Старый страх, голос отца: «Нельзя! Позор!». И новое, робкое желание поделиться красотой движений и голоса. Я готова терпеть любую боль, лишь

бы увидеть восторг в глазах того, для кого пою и танцую.

– Я не умею... не профессионально.

– Красиво двигаться – дано не каждому. Не стесняйтесь.

Я включаю на телефоне музыку. Тихо-тихо. Звучат первые такты индийской мелодии. Знакомой, любимой. «Джимми-Джимми... ача-ача...». Подпеваю, закрыв глаза. Платок в моих руках оживает. Становится продолжением меня. Легким, воздушным. Забываю о больничной палате. О сером городе за окном. Я снова в родных горах. Слышу шум ветра, чувствую тепло солнца на коже.

Я танцую. Осторожно кружусь. Платок взлетает и опускается, рисуя в воздухе волшебные узоры. Чувствую музыку каждой клеточкой тела. Она течёт по венам вместо крови. Это мой тайный мир. Мой побег из реальности. В нем нет боли, нет одиночества, нет запретов. Есть только я и танец.

Мелодия заканчивается. Я останавливаюсь, кладу ладонь на шов. Тяжело дышу. Открываю глаза. И вижу лицо Марины. На нем нет улыбки. Там – восхищение. И глубокая, тихая грусть.

– Светлана... – произносит она тихо, почти шёпотом. – Это божественно. У вас дар. Вам нужно учиться профессионально и выходить на сцену!

Её слова падают в душу тёплыми летними каплями. Они смывают остатки смущения. Смотрю в глаза соседки с надеждой.

– Вы правда так думаете?

– Я считаю, что человек, который так танцует, может всё преодолеть. В вас столько силы... столько света. Не прячьте это. Никогда не прячьте.

Я подхожу к своей кровати, осторожно сажусь. Руки слегка дрожат. Но это дрожь не от страха, а от освобождения. Я поделилась самой заветной тайной. И меня не осудили. Меня поняли.

– Родители запрещают, – шепчу я, глядя на свои руки. – Говорят, позор.

– Позор – предавать себя, – твёрдо отвечает Марина. – А быть собой – мужество. Запомните это.

Мы молча сидим в полумраке палаты. За окном по-прежнему моросит дождь. Но внутри у меня стало светло. Предчувствие, что я познакомилась с женщиной, что станет мне подругой. Я сделала первый шаг из собственной тюрьмы страха. Я показала свой танец. И мир не рухнул. Он стал немного красивее.

Глава 2

Я закрываю глаза после разговора с Мариной, и больничная палата растворяется. Вместо скрипа дверей и запаха антисептика чувствую тепло. Яркое, палящее солнце моего детства. Оно разливается по коже медовой тяжестью. Я вижу его – наш аул, раскинувшийся по склону горы, как гнездо орла.

Несуществующий аромат щекочет ноздри. Его невозможно забыть. Пахнет нагретой за день каменистой землёй, су-

хой полынью и дымком очагов. Где-то далеко кричит ослик. Его голос, такой же громкий и упрямый, как он сам, разносится по ущелью. Я маленькая. Я сижу на деревянном крыльце нашего дома. Смотрю, как солнце медленно скатывается за вершины гор, окрашивая снега на высоких вершушках в розовый цвет.

– Света! А ну, домой! – раздаётся голос матери из-за двери. – Ужинать пора! Но сначала умойся, вся в пыли!

– Я уже, мам! – кричу в ответ, но не двигаюсь с места. Мне жаль прощаться с этим вечером.

Из-за угла выходит старший брат, Руслан. Большой, серьёзный. В руках пучок свежей кинзы. Он смотрит на меня, на мои босые ноги, перепачканные в пыли.

– И много ты наловила рыбы тут, на крыльце? – спрашивает, в глазах искрятся смешинки.

– А я не рыбу ловлю! Я солнце ловлю! – отвечаю с серьёзным видом.

Он смеётся глубоким, грудным смехом. Подхватывает меня на руки, как пёрышко, хотя я уже не такая и маленькая.

– Ну, раз ты солнце поймала, неси его в дом, освети нам ужин.

Он заносит меня через порог. Порог в нашем доме – не просто доска. Это граница. Снаружи – ветер, горы, свобода. Внутри – уют, запах еды и безопасность.

В доме пахнет хычинами и парным молоком. Мама хлопчет у печи. Лицо, с морщинками у глаз и в уголках губ,

похоже на доброе спелое яблоко. Она поворачивается к нам.

– Опять её, грязную, в дом несёшь? – ворчит она беззлобно. – Совсем избаловали вы сестру, Руслан.

– А кого ещё баловать? – брат опускает меня на табурет. – Она у нас одна, золотая.

Он говорит это, и я чувствую, как от его слов в груди разливается тепло. Я – подарок всевышнего для родителей. У них уже было трое взрослых сыновей, когда я родилась. Мне часто рассказывают эту историю.

Как-то вечером, мы сидим все вместе. Отец курит трубку у камина. Я пристраиваюсь у его ног на мягком ковре.

– Пап, а правда, ты хотел ещё одну дочку? – спрашиваю я.

Он смотрит на меня поверх очков. Тёмные, как спелые сливы глаза, смягчаются.

– Хотел ли? Не знаю. Не думал уже. Но когда твоя мама сказала... я испугался. Мне было уже за пятьдесят. А сыновья почти взрослые. Но когда ты родилась... маленькая, светлая, с зелёными глазами, в маму... – он проводит ладонью по моей голове. – Ты была как лучик солнца в самый пасмурный день. Я, твои братья – мы смотрели на тебя и не верили своему счастью.

Мама, услышав о чём мы говорим, подходит и ставит на стол блюдо с горячими пирожками.

– Не смущай ребёнка. Ешь.

Но я вижу, как она украдкой улыбается. Знаю, что я – их общая радость. Мне разрешено больше, чем другим детям в

ауле. Меня реже ругают. Чаше балуют. Братья... мои суровые, сильные братья, могут быть строгими со всеми, но со мной они всегда становятся мягкими.

Помню, как однажды средний брат, Ахмед, учил меня ездить на лошади. Я упала. Расцарапала коленку. Заревела.

– Ну, что ты плачешь? – говорил он, поднимая меня. Голос был строгим, но руки нежными. – Джигиты не плачут. Ты же у нас джигит в юбке. Сейчас всё пройдёт!

Он отнёс меня к ручью, промыл ранку холодной водой. А потом проскакал со мной по всей окрестности, пока я не засмеялась от восторга.

Но была в этой любви и другая сторона. Строгая. Неоспоримая. Как каменная стена.

Мне было лет десять. В гости ко мне пришла подруга из соседнего дома. Мы играли в моей комнате. И я начала ей петь. Песню, которую сама сочинила. Про горы и орла.

Вдруг дверь открылась. На пороге стоял отец. Суровое лицо было тёмным.

– Света. Выйди.

Я с испугом смотрела в рассерженное лицо. Подруга быстро сбежала. Отец повёл за собой в большую комнату.

– Ты что делаешь? – спросил он тихо. Слишком тихо. – Сегодня учитель разговаривала с мамой. Ты танцевала на сцене?

– Я... пела... – прошептала я. – На празднике.

– Песню? При посторонних людях? Ты знаешь, что этого

делать нельзя? Где твой стыд? Тебя посчитают распутной!

Я не понимала. Почему стыд? Когда я стала распутной? Это же красиво.

– Но, папа... я хорошо... – попыталась я возразить. Он не дал мне договорить.

– Хорошо – это помогать матери! Хорошо – это готовиться быть хорошей женой! А петь и танцевать при чужих – удел других женщин! Не наших! Поняла меня?

Его слова резали, как нож. Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Слезы подступили к горлу.

Он увидел насколько мне страшно, и взгляд тёмных глаз смягчился. Тяжёлая рука легла на плечо.

– Доченька я говорю не из вредности, а для твоего блага. Наш род – уважаемый род. О нас не должны говорить плохо. А станут, если девушки нашей семьи будут вести себя как цыганки. Ты должна быть скромной. Как цветок, что растёт в тишине, у скал. Его красоту видят только горные орлы. Понимаешь?

Я не понимала. Но кивала. Я поняла главное – отец не в первый раз запрещает мне петь. Мои песни и танцы несут в себе что-то очень плохое, какой-то «позор». Огонёк внутри меня, что ярко горел с рождения, сжался до маленькой искорки. Его спрятали под толстым слоем страха и запретов.

Но полностью убить не смогли. Иногда, когда оставалась одна в доме, я подходила к большому зеркалу в родительской спальне. Брала мамин длинный шёлковый платок. Включала

тихонько музыку и танцевала для своего отражения. Для девочки в зеркале, которой можно всё.

Однажды меня за этим занятием застала мама. Я замерла в ужасе, ожидая крика. Она не кричала. Но посмотрела на меня с такой бесконечной грустью, что от этого было ещё больнее.

– Ты очень красиво танцуешь, дочка, – шептала она, глядя в полные слёз глаза любимой дочери. – Очень красиво. Но делай это так, чтобы никто не видел. Никто. Запомнила?

И ушла, оставив меня наедине с отражением и чувством стыда, смешавшимся с горьким осознанием: моя красота – что-то постыдное, что нужно прятать.

Два чувства – безусловная любовь моей семьи и железные запреты – сосуществовали во мне вместе. Они сформировали меня. Сделали той, кто я есть. Девушкой, жаждущей любви и признания, но до дрожи боящейся осуждения.

Я открываю глаза. Передо мной всё та же больничная стена, бледно-зелёная и безликая. Но в душе шумит горный ручей моего детства. Воздух пахнет полынью. И звучит эхо тех песен, что позволено петь в полной тишине. Я была альпийским цветком. Но тогда я ещё не знала, что скоро тишину моей души разметает буря. Имя которой – Азамат.

Глава 3

Автобус резко тормозит на многолюдной станции. Меня слегка подбрасывает на сиденье. Прижимаюсь лбом к холодному стеклу и с любопытством смотрю наружу. Город. Не районный центр, куда я иногда ездила с отцом, а настоящий, большой город. Он громкий, пахнет выхлопными газами многочисленных машин и пылью. И от него веет такой свободой, что перехватывает дыхание.

Вместе с ощущением свободы приходит страх. Острый, холодный комок в горле, словно предчувствие чего-то неизбежного. Встряхиваю головой, прогоняя неприятное чувство. Что со мной может случиться? Пройду практику, получу диплом, поработаю немного до того, как выйти замуж, но будет что вспомнить потом. Мне нужен опыт, набить руку. Я смогу помогать женщинам нашего аула в мелочах, которые могут стоять им жизни.

Выхожу из автобуса, сжимая в руке бумажку с адресом. Бросаю взгляды на хорошо одетых людей. Мой чемодан кажется мне смехотворно маленьким для новой жизни. «Аул казался мне огромным, – думаю я, оглядывая бесконечные улицы. – А он был всего лишь скорлупкой». Здесь всё иное. Люди спешат, не глядя по сторонам. Машины гудят, и этот гул стоит в ушах непрерывным навязчивым фоном. Нет запаха полыни. Нет тишины, нарушаемой только криком орла.

Чувствую себя совершенно потерянной.

– Света! Светлана!

Я оборачиваюсь. К автобусной остановке подбегает запыхавшаяся Марина. Моя бывшая соседка по палате. Мы продолжали общаться после больницы, и именно она предложила мне переехать к ней, снимать комнату.

– Марина Олеговна! Здравствуйте! – радуюсь, как ребёнок знакомому лицу, среди людского потока.

– Ну, я же просила называть меня просто Марина! – она смеётся, обнимая меня. Её объятия пахнут духами с нотками фруктов и свежести и домашним уютом. – Доехала хорошо? Не потерялась? Боже, как я рада тебя видеть!

От её радушия немного оттаивает внутренний лёд. Я улыбаюсь, чувствуя, как комок страха в горле понемногу рассасывается.

– Доехала... – С беспомощной улыбкой оглядываюсь по сторонам. – Только тут так... шумно.

– Привыкнешь! Иди за мной. Тут совсем близко. Я приготовила тебе комнату. Светлую, уютную. Как раз для студентки.

Мы идём по улице. Марина без умолку рассказывает о городе, о соседях, о магазинах. Я слушаю её вполуха, поглощённая новыми впечатлениями. Вот рынок, где кричат продавцы. Вот парк с чахлыми деревцами. А вот и большое кирпичное здание с табличкой «Медицинский колледж». Я вступаю ногами в асфальт.

– Это оно? – спрашиваю с тихим восхищением.

Марина останавливается рядом, с понимающей улыбкой.

– Оно самое. Ты решила помогать людям, правда?

Я киваю, не в силах оторвать глаз от здания. Воспоминания накатывают волной. Наша сельская амбулатория. Пожилой фельдшер дядя Заур, который лечил всех в округе. Как-то раз я пришла к нему с разбитой коленкой. Он обрабатывал рану, а я, замороженная, смотрела на его уверенные, спокойные руки.

– Не больно? – спросил он, завязывая бинт.

– Немножко.

– Зато теперь будешь знать, что прыгать с обрыва, пусть и маленького, не стоит, – усмехнулся он. – Но ты молодец, стерпела. Не боишься вида крови. Из тебя могла бы выйти хорошая медсестра. Руки золотые, да сердце доброе – главные инструменты медика.

Тогда эти слова прозвучали как шутка. Но они засели глубоко в моем сердце. Помогать людям. Быть нужной. Делать что-то важное своими руками. Не просто быть чьей-то дочерью, чьей-то женой. А стать медсестрой Светланой.

Дома у Марины меня ждёт разговор с отцом по телефону. Его голос в трубке звучит глухо и далеко.

– Ну что, дочка, устроилась?

– Да, папа. Всё хорошо. Колледж увидела. Он очень большой.

– Учись хорошо. Не подводи нас. Помни, кто ты. И... будь

осторожна!—Он тактично предупреждает: – Город – не аул. Там люди... разные. Могут обидеть.

– Я помню, папа. Не волнуйся, пожалуйста.

Я слышала, как он передаёт трубку матери. Родной голос звучит озабоченно.

– Светик, ты поела? Тебе комнату показали? Не холодно там?— обычные вопросы озабоченной родительницы.

– Мам, всё прекрасно. Комната отличная. Марина очень добрая.

– Слушайся её. Она по-городскому живёт, всё знает. И... Света... – она понизила голос до шёпота. – Ты там... ну... свои песни-пляски... придержи. Ладно? Чтобы люди чего плохого не подумали.

Словно ножом по незаживающей ране. Сцена для меня – запретная мечта. Отвечаю, и в горле снова першит от обиды.

– Мама, я приехала учиться, а не танцевать.

– Я знаю, дочка, знаю. Ну, будь здоровой. Звони.

Кладу трубку и долго сижу, упиравшись взглядом в стену. Их забота как тёплое, но тяжёлое одеяло. Оно согревает, но и не даёт дышать полной грудью. «Помни, кто ты». А кто я? Дочь своего отца? Или всё-таки я – это лично я?

Первые дни в колледже становятся для меня испытанием. Всё новое, пугающее. Лекции, на которых боюсь пропустить слово. Строгая преподавательница по анатомии, смотрит на нас поверх очков, как на подопытных кроликов. И городские однокурсницы. Они уверенные в себе, говорят быст-

ро, смеются громко. Обсуждают фильмы и кафе, о которых я не имею ни малейшего представления.

На одной из первых практик нас ведут в процедурный кабинет. Преподаватель, женщина с усталым лицом и добрыми глазами, показывает, как правильно делать укол.

– Главное – не бояться, – говорит она, ловко вводя иглу в муляж. – Пациент чувствует ваш страх. Если вы уверены – ему не больно. Ваши руки должны стать продолжением ваших мыслей. Твёрдыми и нежными одновременно.

Она вызывает меня первой.

– Светлана, попробуй.

Подхожу. Беру шприц. Руки дрожат. Вспоминаю слова дяди Заура: «Руки золотые». Мои в этот момент стали деревянными от страха.

– Дыши, – тихо говорит преподавательница. – Ты же из горных мест? У вас воздух чище. Вот и дыши им сейчас. Представь, что ты там.

Закрываю на секунду глаза. Представляю вершины гор, лёгкий ветер. Делаю глубокий вдох. И происходит чудо – дрожь исчезает. Я уверенно, как учили, делаю укол. Чисто, точно.

– Молодец! – преподавательница одобрительно кивает. – Вижу, у тебя потенциал. У горских девушек обычно руки твёрдые и сердце чуткое. Работать будешь отлично.

Её слова льются бальзамом на душу. Потенциал. Во мне увидели потенциал! Не в чьей-то дочери, а во мне лично.

Вечером этого дня сижу у себя в комнате, готовлюсь к занятиям. Осторожный стук в дверь.

– Свет, можно к тебе? – спрашивает Марина.

– Конечно!

Она входит, держа в руках две чашки чая. Маячок «света», как всегда приветливо улыбается.

– Ну как первый день? Не растерялась?

Я вздыхаю, откладывая учебник.

– Чуть-чуть растерялась. Всё очень чужое. Девочки такие... городские.

– А ты кто? Никак не хуже их! – Марина решительно ставит чашку передо мной. – Посмотри на себя! Ты красивая, умная, из хорошей семьи. Просто не привыкла ещё. Знаешь, почему я предложила тебе приехать в мой дом?

– Почему? – смотрю на неё с замиранием сердца.

– Потому что в больнице ты показала внутреннюю силу. Лежишь после операции, бледная, испуганная, а глаза горят. Танцуешь, когда тело болит. В тебе есть огонь, Света. Его нельзя гасить. Его нужно раздуть. Вот ты и приехала сюда работать над собственным «я».

Она говорит настолько убедительно, что чувствую, как распрямляются мои плечи.

– Стать медсестрой – здорово! Твой выбор достоин уважения. Это твой собственный путь. Оставайся работать у нас в городе. Я тебя поддержу, помогу освоиться и устроиться на хорошее место.

Слушаю её, и на глаза наворачиваются слёзы. Но на этот раз не от обиды или страха, а от благодарности. Хоть кто-то верит в меня. По-настоящему.

– Спасибо, Марина... – Тычусь носом в тёплую руку.

Она по-матерински целует меня в макушку.

– Не за что, родная. Учись. А если станет трудно – я всегда рядом.

Марина уходит, а я остаюсь сидеть с чашкой горячего чая. За окном горят огни большого города. Они уже не кажутся мне слишком чужими и пугающими. Они становятся звёздами. Далёкими, но указывающими путь. Мой путь. Я хочу помогать людям. Я мечтаю стать самостоятельной. Первый, самый страшный шаг, уже сделан. Я вырываюсь из уютного, тесного гнезда. И теперь мне предстоит научиться летать.

Глава 4

Я держу в руках долгожданный документ. Диплом. Красная корочка кажется тёплой, почти живой. С благоговением провожу пальцами по тиснёной надписи: «Медицинский колледж». Мне не верится. Все экзамены позади. Все ночи над учебниками, все тревоги и волнения. Теперь я – дипломированная медсестра. Отличница. Душа поёт от гордости за саму себя.

Иду по улице, а мне кажется, что я парю над землёй. Делаю несколько шагов, останавливаюсь, не в силах держать радость в себе. Нужно позвонить домой. Мне необходимо услышать одобрение в голосах самых родных людей.

Вызов принимают почти сразу

– Алло? – слышу я голос отца, сдержанный, но напряжённый.

– Папа, это я. Света.

– Дочка! Ну, как? – суровый голос тут же смягчается. В нём слышится тревога и надежда.

– Сдала. Всё. Диплом у меня в руках.

На той стороне провода связи молчание. Короткое, но очень красноречивое.

– Альхамдулиллах, – наконец, выдыхает он, и в этом слове – вся вселенная облегчения и гордости. – Молодец. Я всегда знал, что ты сможешь. Теперь ты у нас большой человек.

Медсестра! – Он говорит это слово с особенным уважением. – Поговори с мамой.

Я слышу, как он передаёт трубку. Голос матери дрожит от слёз.

– Светик, родная моя! Поздравляю! Я так за тебя рада. Скажи, ты хорошо кушаешь? Не худела?

– Мам, всё хорошо, – смеюсь я, и у меня самой наворачиваются слёзы. – Всё отлично. Скоро приеду, покажу вам диплом.

– Приезжай, дочка, приезжай! Мы тебя ждём. Отец уже всем соседям рассказывает, какая у него дочь – медик!

Их гордость – это самое дорогое, что у меня есть сейчас. Мечта отца осуществляется. Его дочь становится «большим человеком». Я не подвожу их. Я выполняю свой долг. И теперь передо мной открывается новый путь.

Натыкаюсь на телефон-автомат. Решаю позвонить Марине. Бросаю монетку, набираю знакомый номер. Трубку снимают почти сразу, словно ждали.

– Марина, диплом у меня!

– Горжусь тобой, моя девочка! Большому кораблю – большое плавание. Я в тебя верила. Жду тебя. С меня праздничный ужин.

Я кладу трубку и опираюсь лбом о прохладный бок автомата. Улыбка не сходит с моего лица. Мною гордятся. Чувствую себя не любопытной девочкой с испуганными глазами, какой была несколько лет назад, а важным человеком на

планете Земля.

Эти несколько недель между колледжем и началом работы похожи на сладкую паузу. Марина устраивает мне маленький праздник. Мы идём в кафе. Она дарит мне красивый стетоскоп в кожаном чехле.

– Теперь ты настоящий профессионал! – говорит, поднимая бокал с соком. – Помни, Света, ты всего добилась сама. Это твоя личная победа!

Я сияю от счастья. Ко мне подходят молодые люди, пытаются заговорить, приглашают танцевать. Я вежливо, но твёрдо отказываюсь. Помню наказания отца. «Девушка нашего рода должна быть скромной. Беречь себя для мужа». Я берегу. Моя честь – моё самое ценное достояние. Смотрю на городских парней с их развязными манерами и думаю: «Мой муж будет другим. Сильным, серьёзным, как мой отец. Как мои братья. Он обязательно будет уважать меня».

Наконец приходит день, когда я впервые надеваю белый халат не как студентка, а как полноценный сотрудник. Районная больница. Она больше, чем та, где я лежала с Мариной. Всё здесь кажется круче. Запах антисептика острее. Свет – ярче. Шаги по коридорам – быстрее.

Меня представляют персоналу. Старшая медсестра, суровая женщина, окидывает меня оценивающим взглядом.

– Дариханова, вам назначено в терапевтическое отделение. На четвёртый этаж. Заведующий отделением – Азамат Хусаинович. Все вопросы к нему. Не подведите.

Я киваю, стараясь выглядеть увереннее, чем я есть на самом деле. Четвёртый этаж. Длинный коридор. Пациенты в палатах с открытой дверью. Чувствую свою значимость. Я – часть чего-то большого и важного. Иду по коридору твёрдым шагом. Полы накинутаго халата развеваются за мной, как знамя.

И тогда я вижу «Его».

Он выходит из палаты в самом конце коридора. Очень высокий. Плечистый. В идеально отглаженном белом халате. У него тёмные волосы и твёрдый, уверенный взгляд. Он что-то говорит пожилому врачу. Гордое лицо незнакомца очень серьёзно. Он поворачивается, видит меня. И улыбается.

Эта улыбка освещает всё вокруг. Она не такая, как у городских парней в кафе. Не наглая, а тёплая. Одобряющая. В его глазах я вижу не просто интерес, а уважение.

– Вы, наверное, наша новая сотрудница? – голос глубокий, бархатный. Он подходит ко мне, протягивает руку. – Азамат Хусаинович. Заведующий отделением.

Я, чувствуя, как кровь приливает к щекам, робкожимаю его ладонь. Его рукопожатие вежливое. Крепкое, но недолгое. Мямлю чуть слышно:

– Светлана Дариханова... – Смущаюсь, ощущая покалывание в ладони.

Он кивает.

– Очень приятно, Светлана. Добро пожаловать в нашу команду! Надеюсь, вам у нас понравится. Если что-то будет

непонятно – обращайтесь ко мне без стеснения.

Вымученно улыбаюсь.

– Спасибо. Я постараюсь не подвести.

Он кивает, пытливый взгляд скользит по моему лицу, задерживаясь на глазах чуть дольше, чем нужно, и становится отстранённо-профессиональным.

– Отлично. Старшая медсестра вам всё покажет. Приступайте к обязанностям.

Он разворачивается и уходит по коридору уверенной, стремительной походкой. А я остаюсь стоять, как вкопанная. Сердце стучит где-то в горле. В ушах шумит. Он кажется мне воплощением той самой надёжности и силы, о которой я мечтаю. Врач. Уважаемый человек. Строгий, но справедливый. И его улыбка... она такая обезоруживающая.

В тот первый день он несколько раз проходит мимо. Задерживается, проверяя мою работу. Каждый раз что-нибудь говорит. Не личное, профессиональный совет.

– Дариханова, у пациента в десятой палате слабость после процедуры, зайдите, проверьте давление.

– Светлана, не забудьте заполнить журнал назначений.

– У вас получается находить общий язык с пожилыми пациентами. Это ценно.

Я ловлю каждое его слово, бережно складирую в памяти. Азамат кажется уверенным, знающим. Совсем не таким, как мальчишки из колледжа, что пытались за мной ухаживать. Он – настоящий мужчина.

Вечером, возвращаясь домой, совершенно не чувствую усталости. Я лечу на крыльях, желая поделиться первыми впечатлениями. Автобус движется слишком медленно.

– Ну, как первый день? – встречает меня Марина с традиционной чашкой чая.

– Очень хорошо, – отвечаю, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

– Коллектив как принял?

– Да, вроде все доброжелательные. Заведующий отделением... Азамат Хусаинович. Очень хороший врач. Строгий, но справедливый.

Марина внимательно смотрит на румянец, невольно покрывающий мои щёки, на блестящие глаза.

– Ага... – протягивает она многозначительно. – Понятно. Только смотри, Света, осторожней. Начальники они... сложные. Не поддайся первому очарованию.

– Что ты, Марина! – вспыхиваю я. – Он просто хороший профессионал! И я пришла работать, а не на свидания!

– Ладно, ладно, не кипятись, – смеётся она. – Работай на здоровье. Только сердце держи в кулаке. Оно у тебя, я вижу, очень отзывчивое.

Но я её уже не слушаю. Мысленно возвращаюсь в больницу. К его улыбке. К его спокойному, уверенному голосу. Мудрый, взрослый человек. Он кажется надёжным, как скала.

В тот день я и подумать не могла, что эта скала окажет-

ся зыбучими песками, которые засосут меня с головой. Что его надёжность – лишь маска, скрывающая слабость и предательство. Но это понимание придёт позже. А пока... пока я счастливая выпускница, начинающая медсестра, которой улыбнулся самый красивый и умный мужчина на свете. Я берегу себя для мужа. И мне кажется, что я его нашла.

Глава 5

Проходит несколько недель с моего первого дня в больнице. Я постепенно втягиваюсь в работу. Белый халат уже не кажется чужим и громоздким, а становится моей второй кожей. Я учусь не бояться строгой старшей медсестры. Нахожу подход к капризным пациентам. Мои руки запоминают правильные движения, становятся увереннее. Но главным солнечным зайчиком в каждом рабочем дне остаётся он. Азамат Хусаинович.

Он всегда корректен, всегда профессионален. Но я начинаю замечать мелочи. Его взгляды, устремлённые в мою сторону, задерживаются чуть дольше. Улыбка, мелькающая при встрече, – теплее, не просто формальная. Он находит поводы зайти в процедурный кабинет именно тогда, когда я там одна.

Вот и сегодня. Я взвешиваю пациентку, старушку с переломом бедра. Она тяжёлая. С трудом удерживаю равновесие, стараясь быть максимально осторожной. Вдруг дверь бесшумно открывается.

– Тебе нужна помощь?

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. На пороге стоит Азамат. Без лишних слов он подходит. Неспешные движения точны и выверены. Он с лёгкостью помогает женщине встать на весы, а потом так же аккуратно усаживает её обратно в коляску.

– Спасибо, Азамат Хусаинович, – слышу, словно со стороны, собственный, смущённый шёпот.

– Пустяки. Я вижу, ты справляешься на отлично. Молодец!

Он улыбается и подмигивает. Короткий, почти незаметный, стремительный жест. От него у меня перехватывает дыхание. Он разворачивается и выходит, а я остаюсь посреди кабинета с бешено колотящимся сердцем, пытаюсь привести в порядок дрожащие руки.

Следующая наша встреча случается после окончания смены. Основной персонал уже разошёлся. Я одна в медсестринской. Дописываю документацию. Слышу шаги за спиной.

– Светлана, не задержишься ненадолго? Нужно кое-что обсудить по поводу твоих пациентов.

Его голос спокоен, деловит. Внутренне сжимаюсь. Что я могла сделать не так?

– Конечно, – отвечаю с волнением, поворачиваясь к нему на стуле.

Он прикрывает дверь, садится напротив. Серьёзное лицо, собранный взгляд.

– Не волнуйся, всё в порядке. Хочу сказать, что ты – очень способная сотрудница. Видно, что тебе нравится выбранная профессия. Ты способна на сострадание, но понимаешь, когда нужно сказать твёрдое «нет». Это редкость.

– Спасибо, – я опускаю глаза на разбросанные бумаги, чувствуя, как по щекам разливается горячая краска.

– И ещё... – он делает паузу, будто подбирая слова. – Ты никуда сегодня не торопишься? Может, пройдемся? На свежем воздухе. Обсудим рабочие моменты в неформальной обстановке. Мне кажется, так будет продуктивнее.

Забываю дышать. Его предложение – нарушение всех правил! Всех неписаных законов больницы. Но его голос звучит убедительно, спокойно. Взрослый, умный, невероятно красивый мужчина, предлагает свою компанию. Чувствую себя мотыльком, которого тянет лететь на ослепительный огонь. И я, глупая, уже расправляю хрупкие крылышки.

– Я не против, – слышу собственный голос сквозь шум в ушах.

Мы выходим из больницы со служебного входа и сворачиваем не в сторону городка, а на узкую тропинку, ведущую к предгорьям. Вечереет. Воздух густой, напоенный запахами чабреца, полыни и нагретой за день земли. Я иду рядом с ним, и моё сердце поёт. Мне кажется, я попала в самый прекрасный сон наяву.

– Знаешь, Светлана, – нарушает он тишину. Бархатный голос ласкает мой слух, – у тебя очень необычная внешность для этих мест. Светлые волосы, зелёные глаза. Ты как лучик солнца в нашей серой больничной будничности.

– Меня так в детстве дразнили, – смущённо улыбаюсь я. – Светлячком.

– Нет, не светлячком, – он вдруг останавливается и поворачивается ко мне. Его взгляд такой пристальный, что мне

становится жарко. – Светлячок – он ночной. А ты – дневная, солнечная. В моем языке есть для этого слово – «Сырыф». Светленькая. Русая. Та, что озаряет всё вокруг. Можно я буду называть тебя так? Только между нами.

«Сырыф». Слово касается души, как ласковый ветерок. Оно обволакивает, кажется интимным, особенным, принадлежащим лишь нам двоим.

– Можно, – выдыхаю и сердце замирает в груди.

С этой прогулки начинается наша тайная жизнь. Мы встречаемся украдкой. Он знает все самые красивые, потаённые места в окрестностях. Мы поднимаемся на холмы, с которых виден весь аул, утопающий в зелени садов. Сидим на больших, нагретых за день камнях. Азамат рассказывает мне о медицине, о своих планах сделать больницу лучше, о том, как ценит преданность и честность.

– Ты не похожа на других, Сырыф, – говорит он, глядя куда-то вдаль, на тающие в дымке вершины. – Ты настоящая. В тебе нет фальши. Ты как горный родник – чистая, прозрачная.

– А ты... ты такой умный, Азамат. Всего добился сам, – я смотрю на него с обожанием, ловя каждое его слово. Мне девятнадцать. Ему – за тридцать. Эта пропасть в возрасте кажется мостом, перекинутым из моего наивного мира в его мир опыта и мудрости. Я верю ему. Слепо. Безоговорочно.

– Не всё так просто, – он вздыхает, и в его глазах появляется непривычная тень. – Чтобы чего-то достичь, иногда

приходится идти на компромиссы. Выполнять чужие условия.

– Но ты же справился! Ты – заведующий отделением! – горячо восклицаю я, желая развеять его грусть.

Азамат поворачивается ко мне, и его лицо озаряется самой обаятельной улыбкой. Он берет мою руку в свою. Крепкие пальцы твёрдые, тёплые. Любое его прикосновение заставляет меня трепетать.

– С тобой, Сырыф, всё кажется возможным. Ты вдохновляешь меня.

Любимый произносит именно те слова, которые я так хочу слышать. Он относится ко мне с невероятной нежностью и уважением. Предостережения Марины, строгие заветы отца меркнут, растворяясь в сиянии его внимания. Я люблю его настолько сильно, что забываю обо всём на свете. Он мой свет, моя душа. Воздух, без которого не могу обходиться. Ради его одобрения я готова на всё.

Однажды мы сидим у ручья. Я снимаю туфли и опускаю босые ноги в прохладную, стремительную воду. Он сидит рядом на камне.

– Знаешь, у меня здесь никого нет, – доверяю ему самое сокровенное. – Кроме родителей и братьев, конечно. Но они далеко. Я здесь совсем одна. Иногда бывает так страшно.

Он молча кладёт руку мне на плечо. Большая ладонь тяжёлая, тёплая, защищающая.

– Ты не одна, Сырыф. Я с тобой. Пока я рядом, тебе ни-

чего не угрожает. Я о тебе позабочусь.

Поднимаю на него глаза, и в этот момент я готова отдать ему всё. Свою любовь, свою верность, свою жизнь. Он кажется таким надёжным. Таким сильным. Ему тридцать лет! Он взрослый, состоявшийся мужчина. Он не может врать. Не может играть моими чувствами.

– Азамат... – начинаю, с трудом подбирая слова. – А что насчёт... тебя? У тебя есть кто-то?

Он отводит взгляд, смотрит на бегущую воду. Пауза кажется вечностью. Потом поворачивается ко мне, и в его глазах – знакомая грусть.

– Была одна девушка. Давно. Но ничего не сложилось. С тех пор работа – моя единственная спутница. До тебя.

Он лжёт. Лжёт так легко, так убедительно, глядя мне прямо в глаза. А я, глупая, слепая, верю. Вижу в его грусти подтверждение одинокого прошлого. Моё сердце до краёв наполняется жалостью и ещё большей, безумной любовью. Я решаю, что стану для него солнцем, которое разгонит многолетнюю печаль.

– Я никуда не уйду, – шепчу ему, не зная, какую страшную цену придётся за это обещание заплатить.

Мы гуляем до самых сумерек. Когда возвращаемся к окраине города, он не берёт меня за руку – на улицах могут увидеть. Но его плечо иногда, как бы случайно, касается моего. Лёгкого, мимолётного прикосновения достаточно, чтобы я парила над землёй оставшееся время до дома.

Я возвращаюсь в дом к Марине. Она, всякий раз видя моё сияющее, раскрасневшееся лицо, качает головой.

– Светка, девочка моя, опять с работы так поздно? И глаза горят, как два уголька. Уж не тот ли красавец-заведующий виновник радости на твоём лице?

– Марина, ну что ты выдумываешь?! Мы работали! – отмахиваюсь я, но скрыть глупую, счастливую улыбку не получается.

– Работали, говоришь... – она вздыхает. В серых глазах читается беспокойство. – Ладно. Только помни: осторожность лишней не бывает. Мужчины в годах, да ещё и на таких должностях... они не всегда ищут сердце, детка.

– Ты его просто не знаешь! – горячо возражаю я, понимая, что она тактично вуалирует. Яростно защищаю своё счастье: – Азамат другой! Он уважает меня! Он... он ценит меня! Мы скоро поженимся.

Марина грустно улыбается в ответ. Она мудрее. Видит дальше моих расправленных крыльев. Но я отказываюсь её слушать. Я верю ему больше, чем всем на свете. Больше, чем самой себе. Азамат – моё солнце. А я – его Сырыф.

Я уверена, что самое большое счастье в моей жизни уже наступило.

Ещё не знаю, что это счастье – всего лишь красивая, блестящая обёртка на горькой, отравленной конфете. Представить не могу, что скоро фантик порвётся, и я увижу правду. Горькую и беспощадную.

Глава 6

Я держу в руках пластиковый прямоугольник. Пальцы дрожат. Прижимаю его к груди, будто это не кусок пластика, а самый дорогой алмаз, упавший с неба. Солнечный луч пробивается сквозь занавеску в моей комнате и ложится прямо на него, заставляя вторую полоску светиться розовым золотом. Она яркая, чёткая, указывает на настоящее счастье.

Сердце быстро стучит, как пойманная птица. Но это не страх, а восторг. Чистая, неразбавленная радость, распирающая меня изнутри. Она рвётся наружу смехом и слезами одновременно.

«Наш ребёнок, – шепчу я пустой комнате. – Наше с тобой чудо, Азамат».

Я закрываю глаза, и передо мной сразу возникает его лицо. Тёмные, горящие любовью глаза, улыбка, от которой у меня подкашиваются ноги. Представляю, как он обрадуется! Он так долго этого ждал. В редкие, украденные минуты, когда мы могли быть вместе, он говорил, глядя мой плоский живот: «Хочу, чтобы у нас был сын, Сырыф. Сильный, как гора. Или дочка. Красивая, как ты».

Я одеваюсь на автомате. Лучшее платье, зелёное, в цвет моих глаз, как он говорит. Поправляю светлые волосы. Лицо в зеркале сияет, глаза горят. Я несу ему не просто новость. Я несу ему наше будущее. Самый дорогой подарок, какой

только может подарить женщина мужчине.

Я едва дожидаясь автобуса. И почти бегу по улицам районного центра. Аул кажется мне сегодня не серым и пыльным, а сияющим. Даже воздух пахнет по-другому – свежее, слаще. Кажется, я лечу, а не иду. Каждый камень под ногами, каждое дерево – шепчет мне: «Поздравляем! Ты теперь мама!»

Подходя к больнице, я замедляю шаг. Надо быть осторожной. Всегда осторожной. Мы никто друг для друга на людях. Он – главный врач отделения, а я – всего лишь практикантка-медсестра. Но сегодня это не имеет значения. Сегодня всё изменится!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.